

В очередной том сборника включены статьи, посвященные теоретическим вопросам источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Особый раздел составляют статьи по летописанию, дипломатике, источниковедению истории СССР периода феодализма. В сборнике исследуются также нарративные и массовые источники XIX—начала XX в., письменные и печатные источники 20—30-х гг. XX в., рассматриваются вопросы византийского источниковедения и медиевистики.

Редакционная коллегия:

М. П. Ирошников (зам. отв. редактора), *А. И. Копанев*,
академик *Д. С. Лихачев*, *И. П. Медведев*, *Е. К. Пистунская* (отв. секретари),
М. Б. Свердлов, *В. Г. Чернуха*, чл.-кор. АН СССР *В. А. Шишкин* (отв. редактор),
С. О. Шмидт, чл.-кор. АН СССР *В. Л. Янин*

А. С. МЕЛЬНИКОВА

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУССКАЯ НУМИЗМАТИКА В СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 1950—1980 гг.

В 1955 г. на сессии Отделения исторических наук АН СССР рассматривались итоги послевоенных нумизматических исследований. Было сделано заключение — оставаясь вспомогательным источником при рассмотрении проблем политической истории, истории искусства, палеографии, истории техники, монета является одним из основных источников при изучении проблем товарно-денежных отношений. Нумизматика определялась как научно-вспомогательная дисциплина, изучающая историю товарно-денежных отношений по их материальным остаткам — монетам. Был определен предмет изучения дисциплины — монеты и монетные клады, обработанные при помощи совокупности специальных методов.

В понятие «нумизматика» в широком смысле это определение также включало изучение другого рода памятников: произведений медальерного искусства (памятных и художественных медалей и жетонов), наградных знаков (орденов и наградных медалей), объединяемых с монетами исходным материалом, техникой и местом производства. Впрочем, было указано, что для этих групп нумизматических предметов имеются свой круг задач и своя методика исследования.¹

Определение нумизматики как науки, изучающей товарно-денежные отношения по их материальным остаткам — монетам, принципиально отличалось от бытующей прежде формулы определения ее как науки о монетах и медалях, имеющей «предметом изучение изображений (типов), надписей (легенд) и систем древних, средневековых и новых монет и медалей» и считающейся одной из «так называемых вспомогательных исторических наук; она дала также много драгоценных указаний для филологии и истории искусства» (Энцикл. слов. / Брокгауз и Ефрон. СПб., 1897. Т. XXI. С. 424—425).

Новое определение уже в самом себе несло целую программу и перспективу дальнейшего развития. Внешняя критика источника

¹ Янин В. Л. Нумизматика и проблемы товарно-денежного обращения в Древней Руси // ВИ. 1955. № 8. С. 136; Шелов Д. Б. Состояние работы в области нумизматики и ближайшие задачи // КСИМК. 1956. № 66. С. 3—11.

из самоцели, что логически следовало из прежнего определения нумизматики, превращалось в средство, которое обеспечивало возможность использования нумизматического источника для решения проблем истории товарно-денежных отношений. Определение дало творческий импульс для дальнейшего развития советской нумизматики.

Вскоре после сессии 1955 г. на страницах второго тома «Вспомогательных исторических дисциплин» была опубликована статья И. Г. Спасского «Нумизматические исследования (Россия, Украина, Белоруссия) в 1917—1967 гг.».² Этот историографический обзор, включивший анализ исследований самого широкого хронологического диапазона, следует продолжить и дополнить. За годы, прошедшие со времени выхода статьи И. Г. Спасского, советская нумизматическая наука претерпела существенные качественные изменения, не говоря уже о значительном количественном увеличении исследований.

Поступательное развитие советской нумизматической науки после 50-х гг. шло по пути преодоления традиционной замкнутости работ по нумизматике, не выходящих за пределы внешней критики источника, к исследованиям широкого круга проблем по общен исторической тематике.

Содержание нумизматических исследований в СССР определяется в первую очередь изучением истории русского денежного обращения. Проблематика истории отечественной денежной системы органически включает изучение монет, в той или иной степени связанных с собственно русским денежным обращением, составляющих тот фонд, на основе которого происходило складывание национальней системы (монеты куфические, византийские, средневековые западно-европейские).

Особым направлением нумизматических исследований в советской нумизматике является изучение истории местного денежного обращения во многих республиках Советского Союза, например в Средней Азии, Закавказье, Прибалтике, Молдавии, Украине и Белоруссии. Денежное обращение здесь прошло свой особый путь до слияния с общерусской денежной системой в XVII—XVIII вв. Особенности истории денежного обращения на территории Советского Союза определили также образование особых разделов изучения нумизматики. От античной нумизматики отпочковалась нумизматика Северного Причерноморья, имеющая свои специфические особенности, нумизматический фонд и закономерности развития. Из восточной нумизматики выделилось изучение джучидских монет, находки которых сосредоточены на территории нашей страны. Джучидская нумизматика как особое направление родилась в России, и советские ученые успешно развивают исследования в этой области.

Общее представление об основных направлениях нумизматических исследований может дать обращение к библиографическим указателям нумизматической литературы, которые систематически

² Спасский И. Г. Нумизматические исследования (Россия, Украина, Белоруссия) в 1917—1967 гг. // ВИД. Л., 1969. II. С. 91—114.

печатаются с 1961 г. в сборнике «Нумизматика и эпиграфика».³ В этой публикации мы обратимся исключительно к работам, посвященным истории русского денежного обращения до XVIII в. Историкография нумизматики XVIII—XX вв. должна стать предметом отдельного изучения, поскольку она просто не вмещается в рамки данной статьи.

К 50-м гг. русская нумизматика подошла с целым рядом проблем, зашедших в тупик в предвоенные годы как из-за отсутствия представительной источниковой базы, так и из-за методической беспомощности. Оставались нерешенными вопросы, связанные с первыми русскими монетами — златниками и сребрениками Киевской Руси (атрибуция, хронология, изучение и определение сферы их применения, топография). Блестяще начатые в 20-х—начале 30-х гг. исследования становления денежно-весовых систем домонгольского периода были не закончены и требовали завершения.

Загадкой оставался один из самых «темных» этапов русского денежного обращения — так называемый «безмонетный» период XII—XIV вв., когда зарождались основные денежно-весовые понятия национальной денежной системы. Но в самом запущенном состоянии оказалось изучение собственно русских монет — от момента возобновления их чеканки после почти трехвекового перерыва в конце XIV в. и до конца XVII в. Русские монеты XVIII—XX вв. (так называемый «императорский» период) также оставались вне научного изучения.

На секционных заседаниях нумизматов и в пленарном докладе на сессии Отделения исторических наук АН СССР в 1955 г. были подведены эти неутешительные итоги и намечены пути преодоления застоя в области нумизматической науки.

Изучение истории чеканки первых русских монет в Киевской Руси значительно продвинулось после выхода долго и тщательно готовившегося корпуса древнейших русских монет, созданного И. Г. Спасским и М. П. Сотниковой.⁴ Методической основой этого фундаментального исследования стало воссоздание состава двух единственных кладов с древнерусскими монетами (Нежинского 1852 г. и Киевского 1876 г.) и составление топографии отдельных находок древнерусских монет, насчитывавшей 38 пунктов. М. П. Со-

³ *Списский И. Г., Янин В. Л.* 1) Советская нумизматика: Библиографический указатель. 1917—1958 гг. // *ИЭС*. 1961. № 2. С. 155—210; 2) Советская нумизматика: Библиографический указатель. 1959—1960 гг.: Дополнения к указателю за 1917—1958 гг. // Там же. 1962. № 3. С. 288—304; *Северова М. Б.* Советская нумизматика: Библиографический указатель. 1961—1965 гг.: Дополнения к указателю за 1917—1958 и 1959—1960 гг. // Там же. 1971. № IX. С. 191—218; *Глейзер М. М.* Советские монеты: Аннотированная библиография (1917—1971 гг.) // Там же. 1974. № XI. С. 240—250; *Северова М. Б.* Советская нумизматика: Библиографический указатель. 1966—1972 гг.: Дополнение к указателям за 1917—1958, 1959—1960, 1961—1965 гг. // Там же. 1978. № XII. С. 188—233.

⁴ *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X—XI веков. Л., 1983; Russian Coins of the X—XI Centuries A. D. Recent research and a corpus in commemoration of the millenary of the earliest Russian coinage / Translated from the Russian by H. Barlett Wells // *BAR. International Series*. 136. [Oxford, England], 1982.

тинковой удалось проследить «биографии» каждой из найденных монет и установить, за немногими исключениями, места нахождения их в настоящее время. В корпус вошли все известные экземпляры (около 340 монет — число это условно из-за 76 неразысканных экземпляров). Количества монет, получивших точные «паспорта», оказалось достаточно для того, чтобы окончательно установить хронологические рамки чеканки этих монет. Они распределяются между великими киевскими князьями Владимиром Святославичем (980—1015), Святополком Окаянным (1015—1019) и Ярославом Мудрым (1019—1054). Новейшие разыскания подтвердили правоту первого исследователя древнейших русских монет И. И. Толстого, датировавшего все известные ему выпуски концом X—началом XI в.⁵ Каждая из монет получила в корпусе четкую атрибуцию; были изучены палеография надписей, состав и проба металла, весовая норма. Научная систематизация монет, предложенная исследователями, дополнила научный арсенал историков Древней Руси новыми историческими источниками, несущими чрезвычайно емкую информацию. Авторы корпуса, И. Г. Спасский и М. П. Сотникова, сделали вывод о характере чеканки на Руси на рубеже X—XI вв.: «...возникшая вслед за принятием Русью новой государственной религии русская монетная чеканка в очень значительной степени была вызвана политическими потребностями исторического момента. Она не могла поддержать угасавшее по независимым от Руси причинам денежное обращение, просуществовав не больше 30 лет. Но историческое значение ее очень велико».

Изучение возникновения и становления денежно-весовых систем домонгольской Руси после классических работ Р. Р. Фасмера⁶ и Н. П. Бауера⁷ получило новый импульс в исследовании В. Л. Янина «Денежно-весовые системы русского средневековья».⁸ Эта работа обобщила достижения нумизматической науки в области изучения древнерусского денежного обращения и охватила весь круг проблем от зарождения в славянском мире основных понятий кунной системы до формирования денежно-весовых систем Киева и Новгорода в домонгольский период. Автор развил и углубил методику использования данных кладов куфических монет, разработанную Р. Р. Фасмером, дополнив ее изучением метрологических показателей. Наблюдения над метрологическими колебаниями монет, изменениями в системе номиналов были положены в основу концепции о происхождении и развитии древнерусской денежной системы. Из историко-метроло-

⁵ Толстой И. И. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского: Нумизматический опыт. СПб., 1882.

⁶ Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Изв. АН СССР. Вып. VII. Сер. «Обществ. науки». 1933. № 6—7. С. 473—484.

⁷ Бауер Н. П. 1) Денежный расчет Русской Правды // ВИД. М.; Л., 1937. С. 183—244; 2) Денежный счет в духовной новгородца Климента и денежное обращение в Северо-Западной Руси в XIII в. // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Т. III. С. 175—203.

⁸ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956.

гического исследования В. Л. Янина следовал вывод об использовании куфических монет в местном денежном обращении и о принадлежности кладов с этими монетами жителям Восточно-Европейской равнины.

Разработанная В. Л. Яниным концепция истории развития денежно-весовых систем домонгольского периода Древней Руси была в целом принята исторической наукой, хотя некоторые частности были подвергнуты сомнению.⁹

Обращение куфических монет на территории славянских земель практически выделилось в самостоятельную проблему советской исторической науки. Была продолжена начатая Р. Р. Фасмером публикация кладов куфических монет, найденных на территории СССР.¹⁰ А. В. Фомин применил статистические методы к данным кладов с куфическими монетами. Построенные им графики количественного распределения по хронологическим периодам монет, найденных на территории европейской части СССР, сравнивались с графиками, основанными на материалах всех учтенных на территории Восточной и Северной Европы находок куфических монет. Графики, отражая колебания интенсивности поступления куфических монет в Европу, дали возможность охарактеризовать изменение динамики процесса чеканки монет в Арабском халифате. Несовпадения отдельных пиков наложенных друг на друга графиков позволили выделить периоды относительно упадка или подъема экономики Халифата. Использование метода количественного анализа в изучении истории денежно-весовых систем домонгольской Руси, обслуживающихся куфическими монетами, дало основание для выделения ряда региональных особенностей денежного обращения на славянских землях. Типология местных кладов, составленная по принципу удреания хронологического состава монетного потока, свидетельствовала

⁹ *Монгайт А. Л.* Рецензия на книгу В. Л. Янина «Денежно-весовые системы русского средневековья» // ВИ. 1958. № 3. С. 183—188; *Кропачкин В. В.* Из истории денежного обращения в Восточной Европе в I тысячелетии н. э. // СА. 1958. № 2. С. 270—286.

¹⁰ *Быков А. А.* 1) Восточные монеты Демиркентского клада // Тр. ГЭ. IV. Нумизматика. 2. Л., 1961. С. 30—35; 2) Куфические монеты ожерелья из Паункиля // Изв. АН ЭССР. Т. X. Сер. «Общества и язык». № 2. 1961. С. 187—191; *Янина С. А.* 1) Куфические монеты из могильника Мыдлань-Шай // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1962. С. 129—139. (Тр. Удмурт. археолог. экспедиции; Т. I; вып. 3); 2) Перевский клад куфических монет X в. // МИА СССР. 1956. № 85. С. 188—207; 3) Второй Перевский клад куфических монет X в. // Там же. 1963. № 117. С. 287—331. (Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции; Т. III); *Рябцевич В. И.* Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области // НиЭ. 1965. № V. С. 121—160; *Кропачкин В. В.* 1) Находки куфических монет в Прикарпатье (СССР) // Acta archaeologica Sclavica (Krakow), 1969. 1970. T. XI, fasc. 2. S. 227—229 (русский текст), 229—230 (польский текст); 2) Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // НиЭ. 1971. № IX. С. 76—97; 3) Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 197—202; *Никитин А. Б., Фомин А. В.* Новый клад сасанидских и куфических монет первой половины IX в. // Нумизматика: материалы и исследования. М., 1988. С. 48—71. (Тр. ГИМ; вып. 69. Нумизматический сборник. Ч. 10); *Фомин А. В.* Выжигский клад дирхемов IX в. // Археологические памятники Северо-Востока. М., 1988. С. 103—131.

о преднамеренном оседании дирхемов на территории Восточной Европы. Этот вывод подтвердил концепцию В. Л. Янина об использовании куфических монет в качестве средства местного денежного обращения и самих кладов как памятников местного обмена и торговли.¹¹ Статистическо-топографический метод обработки кладов с куфическими монетами, примененный и разработанный советскими учеными, позволил убедительно опровергнуть концепцию шведского ученого С. Болина, выдвинутую в 1968 г., о транзитном характере кладов куфических монет на территории Восточной Европы, которые, по его убеждению, не поступали в местное денежное обращение, а выпадали в клад случайно.¹²

Причины прекращения притока куфических монет на Русь в XI в., обусловленные разразившимся в Арабском халифате серебряным кризисом, изучались Е. А. Давидович.¹³

Находки византийских монет на территории СССР и их роль в древнерусском денежном обращении исследовались В. В. Кропоткиным¹⁴ и К. В. Голенко.¹⁵ В. В. Кропоткин также занимался составлением топографической сводки находок римских монет на территории СССР и изучением их роли в развитии денежно-весовых систем домонгольской Руси. Возражая В. Л. Янину, считавшему римские денарии исходной точкой создания русских денежно-весовых систем, В. В. Кропоткин показал, что длительное обращение денария — с I по III в. н. э. — на территории Поднестровья и Поднепровья не означало использования его в качестве средства денежного обращения, поскольку на территории распространения черняховской культуры в первой половине I тыс. н. э. еще не сложились экономические предпосылки для появления местной чеканки и денежной системы, как это было в экономически более развитых районах (в Закавказье и Северо-Восточном Причерноморье). По мнению В. В. Кропоткина, клады римских монет на территории расселения племен черняховской культуры были типичными кладами-сокровищами, выпадение которых не следует связывать с местным денежным обращением.¹⁶

¹¹ Фокин А. В. 1) Методические проблемы систематизации кладов с куфическими монетами IX—X вв. // ВНД Л., 1983. XIV. С. 74—81; 2) Обращение обломков куфических монет в Восточной Европе в X—начале XI в. // НиЭ. 1984. № XIV. С. 133—138; 3) Источниковедение кладов куфических монет IX в. // Нумизматические памятники Исторического музея. М., 1983. С. 24—28. (Тр. ГИМ, Вып. 57. Нумизматический сборник. Ч. 8).

¹² *Bolin S. Mohammed, Charlemagne and Rus' // Zu Bedeutung und Rolle des Islam. Darmstadt, 1968. S. 235, 261—265.*

¹³ Давидович Е. А. Денежное обращение в Мовсраниях при Саманидах // НиЭ. 1966. № VI. С. 135—140.

¹⁴ Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР // Археология СССР. Свод археологических источников. М., 1962. Вып. Е4.4. С. 235, 261—265.

¹⁵ Голенко К. В. 1) Подражания византийским монетам X—XI вв., найденные на Таманском полуострове // Византийский временник. 1953. Вып. VII. С. 269—275; 2) Новые материалы к изучению таманских подражаний византийским монетам // Там же. 1961. Вып. XVIII. С. 216—225.

¹⁶ Кропоткин В. В. 1) Клады римских монет на территории СССР. М., 1961. (Свод

Одним из элементов «фона», на котором складывались денежно-весовые понятия домонгольской Руси, были западноевропейские денарии, поступавшие на Русь в XI—начале XII в. Работа над топографией находок западноевропейских монет, начатая Н. П. Потиним,¹⁷ была продолжена. Издавались отдельныеклады,¹⁸ а в 1967 г. В. М. Потиним была составлена сводная топография всех известных находок западноевропейских монет X—XIII вв. на территории Руси.¹⁹ В монографии того же автора были обобщены результаты исследований по истории обращения западных денариев на русской территории. Изучались закономерности притока и распространения денариев, прослеживались основные пути ввоза серебра и рассматривались причины прекращения притока этих монет на Русь в XII в. В. М. Потиним пришел к выводу, что это явление обуславливалось развитием денежного обращения и торговли в Европе, усилением феодальной раздробленности и изменением форм денежного обращения (чеканкой денариев ухудшенного качества, обращение которых не шло за рамки узкого региона, и использованием в международной торговле серебряных слитков). Изменение политической картины Европы в связи с немецкой агрессией на восток подвлекло за собой изменение направления экономических связей, и это в целом сказалось на характере и направлении потока серебра с запада на восток. Тем не менее автор сделал вывод о том, что полностью поступление европейских монет в Восточную Европу не прекратилось и в XII в., «хотя реки монетного серебра превратились в едва заметные ручейки».²⁰ Т. В. Рандина выступила с источником

археологических источников; Вып. 14-4); 2) Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967.

¹⁷ *Истор.* N. 1) Der Fund von Spunka bei St. Petersburg // Zeitschrift für Numismatik (1926) XXXVI, S. 75—94. 2) Der Münzfund von Wicliss (Südliches Gestadt des Ladogases) // Deutsche Münzblätter, n. 388, 1935, S. 307—308; 3) Die russischen Funden abendländischen Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts // Zeitschrift für Numismatik, 1932, XLII, S. 153—173.

¹⁸ *Муржова А. А.* Третий Людейновольский клад средневековых западноевропейских монет. М., 1957, С. 134—139. (Тр. ГИМ; Вып. XXVI. Нумизматический сборник Ч. 2); *Потин В. М.* 1) Петтинский клад денариев середины XI в. // Тр. ГЭ. IV. Нумизматика. 2. Л., 1961, С. 23—29; 2) Клад брактеатов из Подиостровья // Изв. Крив., 1963, № 1, С. 109—127; 3) Клад западнофризских денариев X—XI вв. в Приладожье: Эрмитаж. 1764—1964. Юбилейный альбом. Л., 1964; 4) Два новых клада западнофризских денариев XI в. // Изв. 1974, № XI, С. 148—153; *Беляков А. С.* Деветерский денарий конца X в.: (из археологических раскопок в Калининской области). М., 1977, С. 7—10. (Тр. ГИМ; Вып. 49. Нумизматический сборник Ч. 5, вып. 2); *Беляков А. С., Янина С. А.* Колодезский клад куфических и западноевропейских серебряных монет 60-х гг. XI в. // Там же, С. 10—29; *Добротинский И. Г., Молдаван А. Н., Потин В. М.* Новые данные о кладах Велля (Велля). Экономика, политика и культура в свете нумизматики. Л., 1982, С. 175—193; *Добротинский И. Г., Потин В. М.* Колодезский клад монет XI в. // Нумизматика и Эрмитаж. Л., 1987, С. 136—155; *Беляков А. С.* Серебряные монеты конца IX—XI в. из курганов у д. Пешново // Новые нумизматические исследования. М., 1986, С. 95—106. (Тр. ГИМ; Вып. 61. Нумизматический сборник Ч. 9).

¹⁹ *Потин В. М.* Топография находок западноевропейских монет X—XIII в. на территории Древней Руси // Тр. ГЭ. IX. Нумизматика. 3. Л., 1967, С. 106—188.

²⁰ *Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968.

педческой критикой топографии В. М. Потина, указав на неточность ряда сведений о находках монет, приведенных в топографии.²¹

За последние годы появилось новое направление в исследованиях денежного обращения домонгольской Руси — изучение граффити на монетах. На их присутствие обратили внимание шведские ученые,²² а советские ориенталисты продолжили эту работу.²³ Пока она находится в стадии накопления и классификации материала. Выявление целей нанесения граффити и выяснение значений каждого знака представляются чрезвычайно плодотворным направлением исследований, требующих совокупных усилий нумизматов, лингвистов, палеографов и археологов. Наличие на некоторых монетах граффити в виде знака Рюриковичей очень важно для изучения политической и экономической истории Древней Руси.

Период обращения восточных дирхемов и западноевропейских денариев на территории Древней Руси в VIII—начале XII в. сменился так называемым «безмонетным» периодом, который продолжался до середины XIV в. Это один из наиболее сложных для изучения этапов русского денежного обращения. Основную трудность составляют узость источниковой базы и невозможность точной фиксации материальной сущности товаро-денег, названия которых удается извлечь из письменных источников, тоже немногочисленных, лаконичных и отрывочных. Источники «безмонетного» периода — серебряные гривны-слитки, лишенные надписей и изображений и потому крайне неинформативные, немногочисленные и территориально ограниченные группы монет — пражские гроши на западе и джучидские монеты на востоке европейской части СССР²⁴ — за последние годы дополнились новым, чрезвычайно емким и перспективным источником — берестяными грамотами. Изучение берестяных грамот значительно продвинуло вперед исследование «безмонетного» периода.

В 1920-х гг. началась публикация кладов со слитками.²⁵ Работа эта была прервана на долгие годы, и лишь с конца 40-х гг. возобновились публикации отдельных кладов или некоторых видов слитков в кладах.²⁶ Из всего многообразия слитков, обращавшихся на Руси

²¹ Раудина Т. В. 1) Археологические замечания к нумизматическим работам // СА. 1973. № 1. С. 316—329; 2) Погребения с монетами на территории Древней Руси: Каталог. М., 1988.

²² Under Welfin U. S. Graffiti on Oriental Coins in Swedish Viking Age hoards // Kungliga Numismatiska Vetenskapsamfundet i Lund. Årsberättelse. 1955—1956. n°3. Lund. 1956. S. 149—171.

²³ Добрицкий И. Г., Дубов И. В., Кузменко Ю. К. Классификация и интерпретация граффити на восточных монетах: (коллекция Эрмитажа) // Тр. ГЭ. XXI. Нумизматика. 5. Л., 1981. С. 52—71; Мельникова Е. А., Никитин А. Б., Фокин А. В. Граффити Петергофского клада // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1984. С. 26—48.

²⁴ Отсылаем читателя к библиографическим указателям нумизматической литературы (разделы «Пражские гроши», «Джучидские монеты»).

²⁵ Ильин А. А. Топография кладов серебряных и золотых слитков // ТНХ. Пг., 1921. Вып. 1.

²⁶ Шорин П. А. 1) Московский клад новгородских слитков // Археологические открытия 1967 г. М., 1968. С. 53—54; 2) Московский клад новгородских денежных

в XII—XV вв. (новгородских, литовских, киевских, черниговских, полтин с клеймами), внимание исследователей более всего привлекали новгородские.

М. П. Сотникова, продолжившая изыскания Н. П. Бауера и В. М. Неклюдова,²⁷ стала изучать и классифицировать граффити на новгородских слитках. Ей удалось расшифровать смысл черточек, нанесенных на поверхность слитков, и связать его с метрологией слитков: черточки указывали на количество выгоревшего в процессе плавки серебра. На некоторых слитках исследовательница прочла имена, которые, по ее мнению, принадлежали владельцам серебра, сдававшим его «ливцам» на переплавку в слитки. Исследовательнице удалось выделить определенный этап в производстве и обращении слитков — появление двухслойных слитков, состоящих из разных по пробе частей металла. Она сочла их продукцией фальсификаторской деятельности «ливцов» и связала это с событиями 1447 г., когда в Новгороде вспыхнуло восстание из-за обнаруженного «воровства» «ливцов».²⁸

В. Л. Янин, предложив иную атрибуцию двухслойных слитков, пришел к выводу, что в XIII в. в Новгороде была введена новая технология отливки слитков в два приема, которая и определила появление нового типа слитка-рубля. «Новые» рубли XIII в. отличались от «старых»: весовой нормой «нового» рубля стали 170.1 г, поскольку учитывалось пониженное содержание серебра в двухслойных слитках; «старые» рубли имели весовую норму в 196.2 г. Новая весовая норма XIII в. — 170.1 г — определила метрологические нормы денежных единиц, составляющих «новый» рубль, — ногат и куи.²⁹

Составляющим элементом источниковой базы «безмонетного» периода помимо слитков являются трудноуловимые современными средствами источниковедения товаро-деньги (ногаты, куны, белы, мордки и резаны в письменных источниках и берестяных грамотах). Давний спорный вопрос истории денежного обращения Древней

слитков // М. 1977. С. 181—192. (Тр. ГИМ. Вып. 49. Нумизматический сборник. Ч. 5, вып. 1); *Medaalen A. B.* О новгородских гривнях серебра // СА. 1963. № 2. С. 107—120; *Федорин Г. Б.* Типография кладов с литовскими слитками и монетами // КСИИМК. 1949. Вып. 29. С. 64—76.

²⁷ *Bauer N.* Die Silber und Goldbarren des russischen Mittelalters. Eine archaologische Studie // Numismatische Zeitschrift. 1929. Bd 62. S. 77—100; 1931. Bd 64. S. 61—100; *Неклюдов В. М.* 1) Изрок // ИЖ. 1940. № 11. С. 110—111; 2) Нижне-Солотинский клад // СГЭ. 1940. 1. С. 10—11; 3) О русских денежных слитках // Тр. ОИ. 1945. Т. 1. С. 121—143.

²⁸ *Сотникова М. П.* 1) Из истории обращения русских серебряных платежных слитков в XIV—XV вв.: (Дело Федора Жеребца 1447 г.) // СА. 1957. № 3. С. 54—50; 2) «Петровы гривни» // СГЭ. 1956. X. С. 49—51; 3) Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII—XV вв. // Тр. ГЭ. Нумизматика. 2. Л., 1961. С. 44—91; 4) Из истории древнерусской практической арифметики // СГЭ. 1962. XXIII. С. 53—55.

²⁹ *Янин В. Л.* 1) Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. // ВИД. Л., 1970. III. С. 150—178; 2) К истории формирования новгородской денежной системы XV в. // Там же. 1979. XI. С. 251—259; 3) «Память, как торговали дождем новгородцами» (к вопросу об эволюции новгородской денежной системы в XV в.) // Там же. 1985. XVI. С. 98—114.

Руси — использование в качестве средства внутренней торговли кожаных или меховых денег, — который, казалось, был закрыт бесспорными доводами сторонников металлических форм денежного обращения, обрел убедительные аргументы в результате нового прочтения арабских источников XII—XIII вв.³⁰ М. Б. Свердлов предполагает, что в условиях малотоварного хозяйства лесной и лесостепной полосы в VI—IX вв. в качестве всеобщего денежного эквивалента наряду с металлическими деньгами из товарного обращения выделились шкурки белок и куниц. После прекращения ввоза дирхемов в конце X в. и кратковременной эмиссии златников и сребреников в конце X—начале XI в. княжеская власть стала использовать сложившуюся меховую денежную систему, обеспечив законное обращение вытершихся мехов знаками княжеской власти. Этими знаками были, по всей видимости, так называемые дрогичинские пломбы — маленькие кусочки свинца с различными изображениями и знаками на обеих сторонах (в больших количествах они найдены в районах близ Дрогичина). Б. Д. Ершевский, изучив этот источник, предложил его классификацию.³¹ Помимо меховых денег (которые можно назвать и кожаными, поскольку арабские источники гонорят о вытертых мехах) исследователи называют и другие виды товаро-денег — стеклянные бусы и браслеты, шиферные пряслица, раковины каури.³² Но, конечно, говорить о едином типе денежного обращения в XII—XIV вв. нельзя, поскольку на его характер оказывали значительное влияние различия, особенно существенные при неразвитых формах товарно-денежного хозяйства.

Н. Ф. Котляр выразил сомнения в праве называть «безмонетный» период безмонетным. Подвергнув критике традиционный принцип датировки кладов по младшей монете, он попытался доказать, что на денежном рынке Южной Руси в XII—XIII вв. обращались значительное количество металлической монеты — дирхемов, которые использовались вместе с гривнами-слитками и даже сосуществовали с какими-то видами стандартизированных товаров типа шиферных пряслиц, бусин или брусочков соли, поскольку дирхемов все-таки не хватало для «потребностей торговли».³³ Концепция Н. Ф. Котляра была подвергнута убедительной источниковедческой критике.³⁴

Из проблематики «безмонетного» периода выделилась плодотвор-

³⁰ Монсайдт А. Л. 1) Абу-Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150—1153 гг. // *История СССР*. 1959. № 1. С. 175—179; 2) Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. Л., 1971; Свердлов М. Б. 1) Источники для изучения русского денежного обращения в XII—XIII вв. // *ВИД*. Л., 1978. IX. С. 3—16; 2) К вопросу о денежном обращении у восточных славян в X—XII вв. // *Вестн. ЛГУ*. 1965. № 5. С. 132—136.

³¹ Ершевский Б. Д. Дрогичинские пломбы: Классификация, типология, хронология: (по материалам собрания Н. П. Лизачева) // *ВИД*. Л., 1985. XVII. С. 36—57.

³² Янин В. Л. 1) Денежно-весовые системы русского средневековья. С. 79—189; 2) Деньги и денежные системы // *Очерки русской культуры XIII—XV вв.* М., 1970. Ч. 1. С. 321—322.

³³ Котляр Н. Ф. Еще раз о «безмонетном» периоде денежного обращения в Древней Руси (XII—XIII вв.) // *ВИД*. Л., 1973. V. С. 152—168.

³⁴ Свердлов М. Б. Источники для изучения русского денежного обращения в XII—XIII вв. С. 11—16.

ная и актуальная тема — история происхождения новгородской денежной системы. Новгородская денежная система в истории русского денежного обращения занимает место связующего звена между денежно-весовыми системами даламонгольского периода и возобновившейся во второй половине XIV в. чеканкой собственной монеты в княжествах Северо-Восточной Руси. Загадка происхождения ее постоянно привлекала к себе исследователей, а после введения в научный оборот берестяных грамот интерес к этой проблеме заметно усилился. В. Л. Янин взял за исходную точку двухслойный рубль-слиток XIII в., весовую норму которого он определил в 170,1 г, и, опираясь на данные берестяных грамот и некоторых записей в Торговых книгах Тевтонского ордена, реконструировал новгородскую денежную систему XIII, XIV и XV вв. С позднейшей системой XV в., в основе которой лежал 216-денежный счетный рубль, денежную систему XIII в. связывали, как полагает автор, два элемента: абсолютная величина рубля в 170,1 г и принципиальная структура гривны, построенной на семиричной основе.³⁵ В дальнейшем В. Л. Янин принял за исходную величину гипотетического новгородского рубля несколько иную весовую норму, равную не 170,1 г, а близкую к этой величине норму в 175 г.³⁶

Пока еще рано ставить точку в решении проблемы происхождения новгородской денежной системы, ее роли в формировании денежно-весовых стандартов общерусского денежного обращения. Идут споры о правильности определения весовой нормы новгородского рубля XIII в. в 170,1 г (или 175 г), признанного В. Л. Яниным исходной величиной при реконструкции денежно-весовых систем XIII—XV вв., поскольку среди новгородских слитков не находится материального воплощения такого рубля.³⁷ Нет и единой точки зрения на абсолютную величину весовой нормы первых новгородских монет, чеканенных после 1420 г., как, впрочем, и на весовую норму первоначальных гривен-слитков. М. П. Сотникова отмечает, что массовое взвешивание слитков не подтвердило представления о хорошей выверенности веса новгородских слитков, который колеблется в пределах от 175 до 225 г,³⁸ а в результате последних исследований новгородских монет установлено, что весовой нормой первых выпусков является не 0,785 г (величина, обычно используемая при построениях теоретических схем), а 0,81 г.³⁹ М. Н. Сотникова полагает, что 216-денежный рубль возник не в XIII в. (как считает В. Л. Янин), а в периске десятилетие XV в. Он появился, по мнению исследователей-

³⁵ Янин В. Л. 1) Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в.; 2) К истории формирования новгородской денежной системы XV в.; 3) «Память, как торговали доселе новгородцы»; 4) Деньги и денежные системы.

³⁶ Янин В. Л. «Память, как торговали доселе новгородцы». С. 99—106.

³⁷ Сотникова М. П. Серебряные платёжные слитки Великого Новгорода и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. // ВИД Л., 1981. XII. С. 219—234.

³⁸ Там же. С. 226.

³⁹ Львова М. А. К вопросу о методике метрологического исследования русских монет XV в. // Нумизматический сборник ГИМ. М., 1974. Ч. 3. С. 135—141.

ницы, как «законное промежуточное звено, годное для подсчета денежных сумм в любых соседних единицах и для перехода в счете от прибалтийской денежно-весовой системы к низовской». Весовая норма низовских (московских) монет составляла в начале XV в. 0,95 г, и столько же весили ливонские артиги.⁴⁰ На новгородский рубль-слиток весом около 204—205 г приходилось приблизительно 216 монет этой весовой нормы.

Окончательное решение вопроса о происхождении новгородской денежной системы упирается в необходимость всестороннего и полного изучения всего дошедшего до нас массива слитков, включая все их разновидности, создания новейшей топографии этих видов денежных знаков, изучения технологии их литья и разработки методики использования метрологических показателей слитков, а также определения пробы и состава металла слитков новейшими техническими методами. Столь же необходимо иметь точное представление о весовых нормах первых выпусков монет конца XIV—начала XV в. Красноречивый пример с исходным весом новгородских монет XV в., который традиционно приравнивался к 0,785 г или 0,79 г и который оказался в результате научной систематизации равным 0,81 г, убедительно говорит об опасности построения расчетов, основанных на гипотетически выведенных данных о весовых нормах. Дополнительный материал для решения проблемы происхождения новгородской денежной системы дают источники по новгородско-ганзейской торговле, обработанные еще в очень незначительной своей части,⁴¹ а также исследование денежного обращения в прибалтийском регионе, успешно начатое А. Н. Молвыгиным.⁴²

Источниковая база русской нумизматики XIV—XV вв. — многочисленные монеты удельных и великих княжеств Северо-Восточной Руси — пока изучена очень фрагментарно, и общей картины становления и взаимодействия местных денежных систем она дать не может. Впрочем, В. Л. Янин, исходя из сегодняшних знаний о русских средневековых монетах XIV—начала XVI в., попытался создать обобщающий очерк истории русских денежных систем удельного периода и процесса слияния их в общерусскую денежную систему.⁴³ В. М. Потин сделал интересную попытку создать периодизацию

⁴⁰ Молвыгин А. Н. Денежное обращение и монетное дело на территории Эстонской ССР в XIII—первой половине XVI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Таллин; Л., 1967. С. 13—14.

⁴¹ Хорашкович А. Л. 1) Некоторые иностранные свидетельства о русском денежном обращении конца XV в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961. С. 223—228; 2) Из истории ганзейской торговли: (ввоз в Новгород благородных металлов в XIV—XV вв.) // Средние века. 1961. XX. С. 98—120; 3) Иностранное свидетельство 1399 г. о новгородской денежной системе // Историко-археологический сборник (в честь А. В. Арциховского). М., 1962. С. 302—307.

⁴² Molviggin A. N. Über die Münz- und Geldgeschichte Estlands (vom Beginn der einheimischen Münzprägungen bis zum II. Viertel des 15. Jahrhunderts) // Nordisk Numismatisk Arsskrift, 1969. Stockholm, 1970. S. 37—65.

⁴³ Янин В. Л. Алтын и его место в русских денежных системах XIV—XV вв. // КСИИМК. 1956. № 66. С. 21—30; Спаский Н. Г. Алтын в русской денежной системе // Там же. С. 12—20; Янин В. Л. Денги и денежные системы. С. 321—322.

русского денежного обращения, сравнивая и связывая ее с этапами развития монетной чеканки в Европе.⁴⁴ Главный тезис его работы — утверждение, что русская чеканка при всей ее самобытности и специфичности прошла через те же этапы развития, что и чеканка монет в других государствах Европы, — бесспорно заслуживает одобрения, но конкретное определение этапов развития русской денежной системы в сравнении с западноевропейской требует дополнительной аргументации. Следует констатировать, что концепция о путях и этапах развития русской денежной системы всегда будет оставаться на уровне гипотетических построений, нуждающихся в документальном подтверждении данными самих монет, обработанных и изученных на уровне современной методики.

Советские нумизматы находятся в самом начале этого многотрудного пути. Сложность заключается прежде всего в крайней трудоемкости работы по созданию научной классификации русских удельных монет, лишенных датирующихся признаков, указаний на место чеканки, к тому же обладающих отвратительной сохранностью. Однако применение к этому материалу нового метода источниковедческого анализа монет — метода соотношения штемпелей — дает очень обнадеживающие результаты. Метод изучения русских средневековых монет по соотношению штемпелей был разработан И. Г. Славским в 50-х гг. применительно к русским монетам XVI—XVII вв. (так называемым «царским монетам»), однако практическое использование метода вышло далеко за эти хронологические рамки.⁴⁵

Применение метода поштемпельного анализа к удельным монетам позволило разработать научную систематизацию нескольких групп русских монет периода феодальной раздробленности. Монеты великого княжества Московского времени княжения Василия Темного (1425—1462) и ряд вопросов истории чеканки в княжествах Ярославском, Кашиинском, Суздальско-Нижегородском изучала Н. Д. Мец.⁴⁶ Она была первым советским нумизматом, который начал систематически разрабатывать вопросы нумизматики удельного пе-

⁴⁴ *Нитик В. М.* Основные периоды монетной чеканки в Европе и денежное обращение Русского государства в X—XVII вв. // *Нумизматический сборник. Посвящается памяти Д. Г. Канавице.* Тбилиси, 1977. С. 126—130.

⁴⁵ См. о методе соотношения штемпелей: *Славский И. Г.* Анализ технических данных в нумизматике // *КСИИМК.* 1951. XXXIX. С. 69—75; *Мец Н. Д.* Монеты великого княжества Московского (1425—1462) // *Нумизматический сборник ГИМ.* М., 1974. Ч. 3. С. 12—20; *Львова М. А.* О некоторых технических особенностях изготовления монетных штемпелей в Великой Новгородке // *НиЭ.* 1971. IX. С. 133—143; *Мельников А. С.* Опыт сравнительного изучения данных нумизматики в письменных источниках // *Историко-ведение. Источниковедение истории.* М., 1973. Вып. 1. С. 212—231.

⁴⁶ *Мец Н. Д.* 1) Монеты великого княжества Московского (1425—1462). С. 12—20; 2) Монеты удельного княжества Кашиинского: (К истории борьбы за Кашин и период сложения Русского централизованного государства) // *КСИИМК.* 1956. № 65. С. 55—67; 3) Московская денная новгородского типа. М., 1955. С. 124—127. (Тр. ГИМ; Вып. XXV. Нумизматический сборник. Ч. 1); 4) Ярославские князья по нумизматическим данным // *СА.* 1960. № 3. С. 121—140; 5) Некоторые вопросы систематизации монет Суздальско-Нижегородского княжества // *Историко-археоло-*

риода, пользуясь современными методами, в совершенствовании которых она внесла свой значительный вклад. В частности, ей принадлежит разработка методики использования монетных кладов в сочетании с данными ноштемпельного анализа. Она была одним из первых исследователей монет удельного периода, своими трудами наглядно доказавшим возможности нумизматического источника в решении проблем социально-политической истории Русского государства, в частности процесса образования Русского централизованного государства в XV в.

Отдельные вопросы истории чеканки монет великого княжества Рязанского рассматривались в трудах С. А. и В. Л. Яниных⁴⁷ и П. А. Шорина.⁴⁸ А. С. Мельникова предложила научную систематизацию монет Пскова периода самостоятельности (1425—1510).⁴⁹ Монеты Новгорода Великого XV в. изучались М. А. Львовым.⁵⁰ В. А. Калинин, начав изучение конечного этапа самостоятельной чеканки Новгорода на рубеже 70—80-х гг. XV в., обратился к исследованию переломного момента в истории складывания общерусской денежной системы на рубеже XV—XVI вв.⁵¹ Вопросы техники чеканки средневековых монет специально рассматривались М. П. Сутниковой,⁵² В. А. Калининим,⁵³ М. А. Львовым.⁵⁴ Нумизматические

гипотезы сборник (в честь А. В. Арциковского). М., 1962. С. 308—318; 6) Датировка «денег московских» с изображением розетки // СА. 1964. № 3. С. 321—327.

⁴⁷ Янин В. Л., Янина С. А. Начальный период рязанской монетной чеканки. М., 1955. С. 109—123. (Тр. ГИМ; Вып. XXV. Нумизматический сборник. Ч. 1).

⁴⁸ Шорин П. А. 1) Монеты Псковского удельного княжества // Вестн. МГУ. Сер. IX. Ист. 1970. № 6. С. 73—78; 2) Буквенные надчеканки на джичилских дирхемах и подражания им // Там же. 1971. № 6. С. 62—69; 3) К вопросу о надчеканке тамги на монетах великого княжества Рязанского // Нумизматический сборник ГИМ. М., 1971. Ч. 4, вып. 1. С. 11—19; 4) К атрибуции одной группы монет с надчеканкой рязанской тамги // Там же. С. 20—27; 5) Систематизация монет великого князя Рязанского Ивана Федоровича (около 1417—1456). М., 1977. С. 230—243. (Тр. ГИМ; Вып. 49. Нумизматический сборник. Ч. 5, вып. 2).

⁴⁹ Мельникова А. С. Псковские монеты XV в. // НиЭ. 1963. IV. С. 222—244.

⁵⁰ Львов М. А. 1) К вопросу о методике метрологического исследования русских монет XV в. С. 135—141; 2) К методике изучения монет Великого Новгорода // Нумизматический сборник ГИМ. М., 1971. Ч. IV, вып. 1. С. 28—42; 3) Великокняжеские новгородцы: (Опыт ноштемпельского анализа русских монет XV в.) // Русская нумизматика XI—XX веков. Л., 1978. С. 29—47; 4) К истории монетного дела Новгорода // Советский коллекционер, 1981. № 19. С. 96—97; 5) О весе денег Новгорода Великого // Там же. С. 97—101; 6) Первые случаи употребления матчишка в русском монетном деле XV в. // Там же. С. 101—104; 7) О месте чеканки золотых монет с именем Ивана III // Тр. ГЭ. XXI. Нумизматика. 5. Л., 1981. С. 106—110.

⁵¹ Калинин В. А. 1) Новгородский денежный двор в 1478—1533 гг. // Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР. Л., 1972. С. 84—86; 2) Новгородский денежный двор в начале 1480-х гг. // СГЭ. 1973. XXXVI. С. 73—83; 3) Монеты Ивана III с русско-татарскими легендами // Тр. ГЭ. XXI. Нумизматика. 5. Л., 1981. С. 111—116; 4) Две новгородских клада монет XV в. в собрании Государственного Эрмитажа // НиЭ. 1974. XI. С. 231—239.

⁵² Сутникова М. П. К вопросу о технике чеканки русских монет в XV в. // КСН-ИМК. 1956. № 66. С. 31—35.

⁵³ Калинин В. А. Некоторые вопросы техники чеканки русских монет второй половины XV—начала 30-х гг. XVI в. // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977. С. 37—49.

⁵⁴ Львов М. А. Первые случаи употребления матчишка в русском монетном деле XV в. С. 101—104.

данные позволили установить, что уже в XV в. в ряде центров чеканки — в Москве, Новгороде и Пскове — было введено важное техническое усовершенствование — особо прочные матрицы (маточники в русских источниках), с которых многократно репродуцировались чеканы для чеканки монет.

Очень важный для изучения истории древнерусского искусства вопрос о сюжетах и изобразительных приемах оформления русских удельных монет частично затрагивался в статьях М. П. Сотниковой,⁵⁵ М. А. Львова,⁵⁶ и тому же посвящена монография А. В. Чернецова.⁵⁷ Однако следует признать, что в целом эта тема не изучена и своеобразный мир изображений на русских монетах XIV—XV вв. выпадает из поля зрения специалистов, занимающихся русским искусством этого времени.

Крайне сложный и неблагоприятный сюжет русской удельной нумизматики — медные монеты XV—начала XVI в. — пулы, предназначенные для обелуживания мелочной, но преимущественно городской торговли, — стал предметом изучения П. Г. Гайдукова. Ему удалось создать основу научной систематизации этого материала и приступить к его систематическому изучению.⁵⁸

Обнаруженная в частном собрании и приобретенная Отделом нумизматики Эрмитажа уникальная золотая монета Ивана III, воспроизводящая тип английских золотых монет («корабельники» в русских источниках), послужила поводом для дискуссии о роли золотых монет в русском денежном обращении. Высказывалась точка зрения о том, что в денежном обращении Русского государства золотые монеты наряду с донативными функциями выполняли функции средств платежа;⁵⁹ другая точка зрения заключалась в отрицании за золотыми роли платежных знаков.⁶⁰

Интерес советских нумизматов обратился также к группе монет, чеканившихся за пределами Северо-Восточной Руси, на территории Великого княжества Литовского. Крайне скудный фонд монет этого княжества пополнился так называемым Сосницким кладом литовских монет, найденным между 1910 и 1912 гг. и лишь в 1966 г. пере-

⁵⁵ Сотникова М. П. О некоторых древнегреческих сюжетах на русских монетах XV в. // СГЭ. 1982. № 47. С. 79—82.

⁵⁶ Львов М. А. Еще раз к вопросу об изображениях на новгородских монетах // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977. С. 12—36.

⁵⁷ Types on Russian Coins of the XIV and XV Centuries: An iconographic Study / Translated from the Russian by H. Bartlett Wells // BAR International Series. 167 [Oxford, England], 1983.

⁵⁸ Гайдуков П. Г. 1) Псковские пулы // КСИА. 1984. № 179. С. 67—70; 2) Медные русские монеты конца XIV—XVI в. // ИкЭ. 1984. XIV. С. 139—167; 3) Медные русские монеты конца XIV—XVI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.

⁵⁹ Потин В. М. 1) Корабельники на Руси // ИкЭ. 1970. VIII. С. 101—108; 2) Венгерский милотой Ивана III // Феодалыная Россия во всемирно-историческом процессе: Сборник в честь Л. В. Черепнина. М., 1972. С. 282—293; 3) Золотые ивальные монеты на территории Русского государства в XIV—XVII вв. // Русская нумизматика XI—XX вв.: Материалы и исследования. Л., 1979. С. 5—28.

⁶⁰ Спасский И. Г. Монетное и монетоидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III // ВИД. Л., 1976. VIII. С. 110—131.

данним частным его владельцем для исследования в Институт археологии АН УССР.⁶¹

При всем многообразии и многочисленности работ по русской удельной нумизматике⁶² можно отметить одну общую черту — попытку связать явления, наблюдаемые в русском денежном деле, с глобальным процессом, составляющим основное содержание русской истории XIV—XV вв., — с национально-освободительной борьбой русского народа за независимость от монголо-татарских завоевателей и созданием Русского централизованного государства. Количественное накопление наблюдений разного рода, изучение локальных особенностей денежных систем периода феодальной раздробленности, а также находка исключительно удачного по составу клада русских и золотоордынских монет, зарытого около 1409 г. на территории Мордовской АССР, позволили Г. А. Федорову-Давыдову сделать важнейшее открытие в области русской удельной нумизматики. Ему удалось определить закономерности, которыми руководствовались русские денежники в начальный период русской чеканки в конце XIV в. Исследователь доказал, что приемы оформления монетного поля отражали сложную нерархическую систему взаимоотношений великих князей московских с золотоордынскими правителями и удельными князьями, находившимися в зависимости от московских князей. Исследование Г. А. Федорова-Давыдова показало важную прокламативную роль монет в национально-освободительной борьбе русского народа за свою независимость. Наблюдения автора убедительно доказали, что в оформлении монет не было и не могло быть ничего случайного, все элементы подчинялись строгой причинной связи, поскольку монеты выступали как важнейший инструмент официальной идеологии и пропаганды, как практически единственный в середине века источник массовой информации. Тем самым определен еще один аспект изучения русских средневековых монет, выходящий за рамки XIV—XV вв., — исследование их прокламативной функции и форм проявления этой функции в оформлении монетного поля.

Исследование Г. А. Федорова-Давыдова⁶³ заполнило лакуну в изучении удельных монет, без чего нельзя было сколько-нибудь удовлетворительно решать общие вопросы истории русской монетной чеканки удельного периода: была предложена научная систематизация монет великого княжества Московского и его уделов — Серпуховского, Дмитровского и Можайского — на первом этапе возникновения собственной чеканки в конце XIV—начале XV в. Эти изыскания смыкаются с систематизацией московских монет второй

⁶¹ Савилева Н. А. К вопросу о монетах Владимира Ольгердовича // НиЭ. 1970. VIII. С. 81—87; Котляр И. Ф. 1) Клад монет Владимира Ольгердовича // Там же. С. 88—100; 2) Монеты Владимира Ольгердовича // НиС. 1971. № 4. С. 42—67; 3) Русско-литовские монеты XIV в. // ВИД Л. 1970. III. С. 179—200.

⁶² В приведенном перечне работ, разумеется, указаны далеко не все статьи, выходявшие после 1950-х гг.; отсылаем читателя к библиографическим указателям нумизматической литературы.

⁶³ Федоров-Давыдов Г. А. 1) Монеты Московской Руси. М., 1981; 2) Монеты Нижегородского княжества. М., 1989.

четверти—середины XV в., созданной ранее Н. Д. Мец, что обуславливает наличие солидной источниковой базы для дальнейших исследований по истории русской денежной системы. Уже на современном этапе удается ответить на один из узловых вопросов, волновавших еще дореволюционных исследователей, — о степени зависимости начальной русской чеканки от золотоордынской. Г. А. Федоров-Давыдов показал, что московская денежная чеканка развивалась независимо от золотоордынской. Черты зависимости (подражание татарской надписи на русских монетах) были следствием политической, но не экономической зависимости. Кроме того, были восприняты от татар элементы счета и номенклатура: алтын, денга, пуло и соотношение счета 1 : 6. Основа же денежного дела — стопа и вес — были оригинальны и связаны с собственно русскими денежно-весовыми и метрологическими единицами.

Наиболее ощутимыми результатами исследования монет методом соотношения штемпелей оказались в изучении так называемого «царского периода» — монет XVI—XVII вв. В настоящее время создана научная систематизация массива русских монет 1533—1676 гг.⁶⁴

Эта обширная источниковая база дала возможность проследить основные этапы развития русской денежной системы и определить тенденции ее развития в XVI и XVII вв. В XVI—начале XVII в. это было поступательное и последовательное изживание пережитков феодальной чеканки и создание единого центра руководства денежным делом — Денежного приказа. В XVII в. происходило нарастание элементов анахронизма русской денежной системы, обнаружившей несоответствие с растущими экономическими и политическими потребностями русского общества, вступающего на путь буржуазного развития. Это обстоятельство обусловило критическое состояние русской денежной системы в конце XVII в. и подготовило почву для осуществления денежной реформы Петра I, в корне перестроившей русское денежное хозяйство.

Поскольку в структуре общества деньги занимают место связующего звена между базисом и надстройкой, нумизматический источник оказался чрезвычайно полезным для изучения ряда базисных и надстроечных явлений в жизни Русского государства XVI—XVII вв. Например, нумизматический материал дал возможность исследовать историю первых русских мануфактур, денежные дворы в XVII в., механизм использования феодальным государством монетной регалии (систему закупочных цен государства на сырье и «государевых» пошлин на денежных дворах, порядок снабжения сырьем де-

⁶⁴ Спасский И. Г. 1) Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. // МИА СССР. 1955. № 44. С. 216—354; 2) Денги // Очерки истории культуры XVI века. М., 1977. Ч. 1. С. 225—251; 3) Денги и денежное хозяйство // Очерки истории русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 145—164; 4) Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654—1663 гг. // АЕ за 1959 г. М., 1961. С. 103—156; Мельникова А. С. 1) Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича // Изв. 1981. XIII. С. 77—137; 2) Старый Московский денежный двор по время денежной реформы 1654—1663 гг. // АЕ за 1964 г. М., 1965. С. 77—84; 3) Чеканка монет в Кукуево в середине XVII в. // СД. 1964. № 3. С. 141—148; 4) Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1980.

нежных дворов и распределения готовой продукции).⁶⁵ Не менее значительным и перспективным оказалось привлечение нумизматики к изучению надстрочных явлений, в частности использования монет как средства пропаганды самодержавной власти при Иване Грозном.⁶⁶

Создание научной систематизации русских монет XVI—XVII вв. позволило дать точные хронологические и топографические характеристики составу многочисленных кладов монет — этого понятия массового источника, пока что выпадающего из поля зрения историков. Между тем клады дают возможность проникнуть в механизм начавшегося классового расслоения в русской деревне, проследить самые истоки процесса первоначального накопления и недрах феодального общества. Исследование закономерностей образования кладов, сравнительное изучение их топографии, динамики их размера могут стать точным и тонким инструментом изучения социально-экономической истории России XVI—XVII вв. Можно сказать, что благодаря нумизматическим исследованиям последних лет советская медиевистика получила новый исторический источник, возможности которого только начинают раскрываться.⁶⁷ Перед русской средневековой нумизматикой четко определяется задача создания источниковой базы «кладоведения» — систематическое издание кладов, получивших полную научную обработку. Начало таким публикациям было положено выпусками сводок кладов из собрания Отдела нумизматики ГИМ.⁶⁸

В конце 50-х гг. В. Л. Янин высказал чрезвычайно плодотворную мысль о необходимости издания кладов краеведческих музеев, что было бы очень полезно и для краеведения, и для нумизматической науки, изучающей общие и частные закономерности развития денежного обращения.⁶⁹ Пока опубликованы сводки кладов из собра-

⁶⁵ *Списский И. Г.* Денежное обращение в Московском государстве. С. 220—261; *Пазухин В. А.* О попытке иностранцев установить на Московский денежный двор подделывание сфимки // *ИИЭ*. 1968. VII. С. 163—183; *Мельников А. С.* 1) Псковский и Новгородский денежные дворы в середине XVII в. // Там же. 1970. VIII. С. 108—122; 2) Новый («Английский») денежный двор в Москве в 1654—1663 гг. // Там же. 1971. IX. С. 114—158.

⁶⁶ *Мельников А. С.* Место монет Ивана Грозного в ряду памятников идеологии самодержавной власти // *ВИД*. 1985. XVII. С. 121—133.

⁶⁷ *Рябцевич В. Н.* Некоторые вопросы типизации сокровищ // *Вопросы истории древнего мира и средних веков*. Минск, 1970. С. 150—161; *Мельникова А. С.* 1) Монетные клады времени Ивана Грозного. М., 1980. С. 4—59. (Тр. ГИМ; Вып. 50. Нумизматический сборник. Ч. 6); 2) К вопросу о социально-экономической природе и источниковедческой значимости монетных кладов XVI—XVII вв. // *Проблемы источниковедения истории СССР в специальных исторических дисциплинах*. М., 1984. С. 153—162.

⁶⁸ *Мед Н. Д., Мельникова А. С.* 1) Клады монет, зарегистрированные Государственным Историческим музеем в 1955—1958 гг. // *Ежегодник ГИМ*. М., 1960. С. 52—116; 2) Клады монет, зарегистрированные Государственным Историческим музеем за 1959 г. // Там же. За 1959 г. 1961. С. 33—58; *Мельникова А. С.* 1) Клады русских монет, зарегистрированные Государственным Историческим музеем за 1960—1963 гг. // Там же. За 1963—1964 гг. 1966. С. 75—97; 2) Клад медных русских монет XVII в. из Московской области // *Нумизматический сборник ГИМ*. М., 1971. Ч. 4, вып. 1. С. 64—86; 3) Клад русских монет XVI—начала XVII в. из Смоленска // *Материалы по изучению Смоленской области*. М., 1967. С. 289—294.

⁶⁹ *Янин В. Л.* Монетные клады Ярославского музея // *Ярославский краеведческий музей: Краеведческие записки*. Ярославль, 1957. С. 241.

ний Ярославского, Новгородского и Вологодского музеев и кладов, найденных в Брянской области. Продолжаются публикации отдельных кладов.⁷⁰

В 1979 г. были изданы две обширные сводки кладов собрания Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа, к сожалению, без приведения данных поэлементального анализа кладов.⁷¹

Одной из центральных проблем русской нумизматики является вопрос о степени участия в русском денежном обращении иноземной монеты. Если для раннего средневековья (VIII—XII вв.) эта тема достаточно хорошо разработана и изучена, поскольку участие куфических дирхемов и западноевропейских денариев в денежном обращении Русского государства неоспоримо, то для более позднего периода этот вопрос включает многие противоречивые факты, что мешает его однозначному решению. XVI—XVII века — это время повсеместного распространения талерной монеты, которая свободно перешагивала политические границы европейских государств. В огромных количествах талеры поступали на Русь, и Торговая книга — справочник-руководство для внешней и внутренней торговли в России, созданный около 1575 г.,⁷² — самым тщательным образом регламентирует торговлю талерами и иноземной золотой монетой. Письменные источники неоднократно упоминают о талерах, занявших прочное место в русском быту. Но нет ни одного зарытого на русской территории достоверно известного клада XVI—первой четверти XVII в. с талерной монетой; их находят только на территории Прибалтики, Украины и Белоруссии, в «порубежных» городах с их смесью разноплеменного населения, расположенных на путях внешней торговли. Со второй четверти XVII в. клады талеров начинают встречаться на русской территории, но в довольно незначительном количестве. Долгое время среди нумизматов существовало прочное убеждение, что талеры на Руси использовались исключительно как товар, закупаемый в огромных количествах для нужд денежного производства и ювелирного дела. В. М. Потин в своих исследованиях предлагает менее категоричное решение вопроса. Рассматривая русское денеж-

⁷⁰ Янин В. Л. 1) Монетные клады Новгородского музея // НиЭ. 1960. II. С. 141—154; 2) Монетные клады Ярославского музея. С. 241—263; Мейершич М. Г. Новые монетные клады Ярославского краеведческого музея // Ярославский краеведческий музей. С. 265—270; Горюнов М. Б. Клады русских монет в фондах Вологодского краеведческого музея: (краткая справка) // Ежегодник ГИМ за 1963—1964 гг. М., 1966. С. 98—104; Мальникова А. С. Клады русских монет в Вологодском музее. М., 1977. С. 121—145. (Тр. ГИМ; Вып. 49. Нумизматический сборник. Ч. 5, вып. 1); Полозов И. Клады раскопывают. Брянск, 1963; Капран В. Я. Два клада монет XVI—XVII вв. из Житомирской области // НиЭ. 1974. XI. С. 154—157; Калинин В. А. Два новгородских клада монет XV в. в собрании Государственного Эрмитажа. С. 231—239; Супруненко А. Б. Клад монет XVI—XVII вв. из с. Звездное // НиЭ. 1969. XV. С. 172—174; Быков А. В. Клады «мутного времени». 1605—1619 гг. // Памятники нумизматики в музеях Вологодской области. Вологда, 1989.

⁷¹ Сотникова М. П., Сладский И. Г. Русские клады слитков и монет в Эрмитаже // Русская нумизматика XI—XX вв.: Материалы и исследования. Л., 1979. С. 48—50; Сотникова М. П. Материалы к типологии находок русских монет XIV—XX вв., зафиксированные Эрмитажем в 1948—1974 гг. // Там же. С. 104—154.

⁷² Гринько М. М. Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу // Средние века. 1960. XVII. С. 25—255.

ное хозяйство как часть общеевропейского, хотя и со специфическими особенностями, он считает, что иноземная монета участвовала в русском денежном обращении. Роль золотой монеты была близка ее роли на Западе, где ее тоже использовали при крупных денежных сделках и в международной торговле, и как донативное средство; серебряные монеты, талеры вовлекались в экономическую жизнь страны вопреки правительственной политике, последовательно ограждавшей русскую копейку от конкуренции с иноземной монетой на русском рынке. Активная роль талеров на Руси, по мнению исследователя, проявилась с конца XVI в. и продолжалась в XVII в., вплоть до XVIII в. В качестве аргумента он приводит тот довод, что две крупнейшие денежные реформы XVII в. — реформа Алексея Михайловича 1654—1663 гг. и Петра I 1718 г. — были основаны на внедрении в русскую денежную систему монеты рубленого достоинства в весе талера.⁷³

Дискуссия о роли талерной и иной иноземной монеты в русском денежном хозяйстве еще далека от завершения, хотя после исследований В. М. Потина категорическое суждение о роли западноевропейской монеты только как монетного сырья значительно поколебалось. Для окончательного завершения дискуссии потребуются усилия не одних нумизматов. Прежде всего разрешению многих проблем мешает отсутствие специальных исследований о торговле драгоценными металлами в России XVI—XVII вв.

На данном этапе усилия нумизматов обращены на обработку источниковой базы русского денежного обращения XVI—XVII вв. Помимо систематизации всего массива русских копеек XVI—XVII вв. (с выявлением динамики весовых норм, пробы и техники чеканки на протяжении полутора веков)⁷⁴ изучаются и издаются клады с иностранными монетами, найденные на собственно русской территории, а также иностранные монеты, официально допущенные в 1655—1663 гг. в русское денежное обращение («ефимки с признаком»)⁷⁵.

⁷³ *Потин В. М.* 1) Талеры на территории Русского государства в XVI—XVII вв. // *Прошлое нашей Родины и памятник нумизматики: Сборник статей*. Л., 1977. С. 50—114; 2) Золотые западные монеты на территории Русского государства в XIV—XVII вв. С. 5—28.

⁷⁴ Следует обратить внимание на работы в области метрологии русских монет XVI—XVII вв., очень многообещающие и пока мало разработанные направления в русской нумизматике. См.: *Яким В. Л.* 1) О метрологических закономерностях в развитии русских монетных норм XIV—XVII вв. // *АЕ* за 1957 г. М., 1958. С. 17—25; 2) К истории денежной реформы Алексея Михайловича // *ВИД*. Л., 1986. XVII. С. 155—161; *Бякин В. А.* О содержании термина «пирог» в денежном обращении России XVII в. // *Нумизматика: материалы и исследования*. М., 1988. С. 6—13.

⁷⁵ *Потин В. М.* Пулковский клад талеров XVII в. // *СГЭ*. 1967. XXVIII. С. 56—58; *Белякин А. С.* 1) Коломенский клад испанских и испано-американских монет первой трети XVII в. М., 1980. С. 60—164. (Тр. ГИМ; Вып. 50. Нумизматический сборник. Ч. 6); 2) Клад талеров XVI в. из Азербайджана // *Нумизматика: материалы и исследования*. М., 1988. С. 84—122; *Минский Т. И.* Три клада европейских монет XVII в. из собрания Государственного Эрмитажа // *Низ*. 1965. V. С. 249—252; *Спасский И. Г.* 1) Талеры в русском денежном обращении 1654—1659 гг.: Сводный каталог ефимков. Л., 1960; 2) Каталог ефимков 1655 г. // *Низ*. 1971. IV. С. 96—166; 3) Русские ефимки: Исследования и каталог. Новосибирск, 1988.